

РЕЦЕНЗИИ

Э. А. Мамасов. Структура слова в индоевропейских и германских языках. — М., изд-во «Наука», 1970. 286 стр.

Автор обращает внимание на необходимость исследовать как структуру, так и семантику германской лексики с внутреннейгерманской точки зрения. Он справедливо замечает, что общегерманская лексика не является механической суммой этимологий, устанавливаемых на основе современных германских языков (стр. 18—31). «Переплетение словообразовательных и словозаменительных рядов» (стр. 11), т. е. лексикализация и грамматикализация — это главные факторы изменений в лексике. Современное состояние индоевропейской семасиологии и этимологии исключает возможность построить общую теорию семантической экстрадоляции (стр. 40, 47—48). Здесь надо добавить, что успехи в этой области зависят от теории универсалий, но только относительно эволюции грамматических категорий, в малой степени относительно лексики. Теория универсалий — важнейшее орудие внутренней реконструкции. Канта, однако, посвящена главным образом структуре германского корня, о словах же речь идет только в кратких I и V главах. Эволюция структуры корня в германском — это явления перенетеграции (морфологического переразложения) и окращения формы слова.

Анализируя во II главе структуру корней в германском, автор опирается на полноты материал этимологических словарей, приведенный in extenso: 1) Фюка — Торпа, 2) Исхувинессона, 3) частично Поковного, — но большей частью на собственные выборки из этимологических словарей индоевропейских и германских языков (стр. 63—117). Списки эти будут полезны и для исследователей в будущем.

II глава, занимающая почти половину книги (стр. 51—183), в значительной степени посвящена критике известного труда Э. Бенвениста, написанного в 1935 г. («Origines de la formation des noms en indo-européen»). Там же находим и критическую оценку «ларингальной» теории и заигнору индоевропейского происхождения вокализма *a* и глухих придыхательных.

Эволюция унаследованных индоевропейских корней в германском, возникновение новых корней является результатом процессов перенетеграции, главным образом абсорбции корней древних суффиксов и префиксов, причем следует отметить, что детерминативы (глава III, стр. 182—216), происходящие из суффиксов, представляются в общем менее древним пластом, чем преформанты (из префиксов). В исследованиях до сих пор часто не различались индоевропейские и германские детерминативы, так что индоевропейские детерминативы определялись тоже как германские, хотя в германском они являются уже составной частью фонологической структуры корня. Примером такого ошибочного метода служат монография Ф. Шпехта («Der Ursprung der indogermanischen Deklination», 1947, стр. 182—184).

Выделение древних корней расширенным объясняется стремлением к морфологической кумуляции, к распространению избыточного признака. Пустой с семантической точки зрения детерминатив становится составной частью корня. На стр. 199—208 находим список германских корней, в которых индоевропейский детерминатив больше не выделяется, на стр. 208—211 — германских корней, в которых выделение еще допустимо. В любом случае вследствие процессов инкорпорации, внедрения детерминативов в состав корня, увеличивается число четырех- и пятиэлементных типов корня в германском (стр. 199). Но, с другой стороны, нельзя заключать, что в общегерманском детерминативов вовсе не было, т. е. что в германских корнях детерминативы никогда не выделяются.

В IV главе (стр. 217—253) исследуется так называемое *s-mobile* в германских языках. Сначала приводятся примеры из древнеиндийского, греческого, атлийского, славянского, балтийского языков (стр. 217—224), затем германский материал (стр. 224—242) и таблица типов чередования *s*: нуль, например: герм. *sk-*:

: *h*-, *sk*-, *k*-, *sp*-, *f*- и т. д. (стр. 242—243). В германском языке *s-moblie* превращало в отношении его частотности и многообразия типов аналогичные явления в других индоевропейских языках. Автор выделяет две группы примеров, одну — с *s-moblie* германского происхождения, вторую — с *s-moblie* индоевропейским, но отсутствующим в германском. Вопреки некоторым взглядам, согласно которым *s-moblie* объясняется внешним сандин или влиянием субстрата, автор разделяет мнение компаративистов, считающих его древним индоевропейским префиксом.

В V главе (стр. 254—273) автор возвращается к проблеме структуры слова (в индоевропейском и в германском). Он справедливо критикует взгляды Мейе, пытавшегося характеризовать статус слова в индоевропейском на основе морфологических критериев (стр. 254—258). Здесь находим и критику его взглядов относительно роли проклитик и энклитик (стр. 262—263) и наличия префиксов (стр. 272). Опорой префиксального характера *s-moblie* служат, по автору, другие примеры чередования в *начальной* согласной с нулем, а именно *g^h*: *g*-, *h*-, нуль, *h*-, нуль (стр. 265—271).

Много места занимают в книге списки и таблицы, много места посвящено также и критике теорий, которые лишь косвенно связаны с поставленной автором задачей. Так, например, критика труда Э. Бенвениста через 35 лет после его опубликования несколько опоздала и не являет много в тематике книги в собственном смысле. Что касается статистического, а не динамического характера теории Э. Бенвениста, то с этим, думаю, автор ее сам согласился бы ныне. Э. А. Макаев справедливо критикует сложившуюся в индоевропеистике практику, когда в форме $T_1eT_2T_3$ T_3 называется детерминативом, а в форме $II\ T_1T_2eT_3e\ T_3$ — суффиксом (стр. 159). Речь идет или о двух разных распространениях корня T_1eT_2 , т. е. о детерминативе T_3 и суффиксе $-eT_3$, где наличие суффикса ($-eT_3$) влечет за собой нулевую ступень корня (T_1T_2), или же о двух формах корня (T_1T_2 и T_1T_2e) и только об одном и том же распространении (T_3), которое называем суффиксом.

Теория Э. Бенвениста относится к раннеиндоевропейскому периоду, когда связь между $T_1eT_2T_3$ и $T_1T_2eT_3$ (так называемый *Schwebeablaut*) была еще жива и продуктивна. К этому периоду следует отнести и дифференциацию основных морфологических типов, ср.: 1) $T_1eT_2T_3$: $T_1T_2eT_3$; 2) $T_1eT_2T_3$: $T_1T_2eT_3$; 3) $T_1eT_2T_3$: $T_1T_2eT_3$.

Типы 1, 2 характерны для флексии «открытой» (например, род. падеж ед. числа *-h-es*, *-u-es*, *-n-es* и т. д.), тип 3 — для флексии «закрытой» (например, род. падеж ед. числа *-ei-s*, *-ei-u*, *-ei-s* и т. д.). Из типа 2 возникают атематические суффиксы:

$/T_1eT_2/-T_1$, $/T_1T_2/-eT_3$, из типа 3 — тематические суффиксы: $/T_1eT_2/-T_3$. Кроме того, тип $T_1eT_2T_3$ является и источником детерминативов (T_3).

Для анализа германских корней эта теория имеет минимальное значение, так как *Schwebeablaut* перестал быть продуктивным морфологическим процессом в конце индоевропейской эпохи (ср.: J. Kurylowicz, *Indogermanische Grammatik*, II, стр. 221—223) и ограничен преимущественно корнями *set*. Неправильным представляется утверждение, что если теория Э. Бенвениста верна в отношении индоевропейского, то она должна быть тоже верна в отношении германского языка (стр. 130).

Что касается критики «ларингальной» теории (стр. 138), то Э. А. Макаев, конечно, прав, выступая против малонадежных ее применений, но впадает в обратную крайность, оспаривая, вместе с Уайттоном и Кейпером, связь хеттского *h* с этой теорией (стр. 147). Ведь как раз эта фонема отвечает главным требованиям «ларингальной» теории: 1) исчезает перед гласной (хет. *hanti* = греч. *anti*, лат. *ante*; глагольное окончание *-ha* = др.-инд. *-a*, греч. *-α*); 2) стигматизация предшествующей краткой в долготу (хет. *rahs* = лат. *pās-tor*, слав. *pas-iti*); 3) переходит в гласную между согласными (хет. *tarahzi* < *tarahzi* = вед. *tar-i-ti*).

Итак, в хеттском засвидетельствован по крайней мере один из элементов, отвечающий требованиям «ларингальной» теории. Из того факта, что в большинстве случаев протетические гласные греческого и армянского языков являются гласными позднего происхождения (например, перед *r*), не вытекает (стр. 175), что они и когда не отражают древних «ларингальных» (ср., например, греч. *ἄντι* «дуть», хет. *hayan* «ветер», лат. *ventus*, гот. *winds*). Но аттическая редупликация здесь не причем. Что касается фонетической неверности теории (стр. 138), то можно здесь указать на потерю в аккадском всех ларингальных и фарингальных звуков (*ʔ*, *h*, *q*, *h*, *g*) за исключением *h*, влекущую за собой контракцию и изменение тембра гласной.

Однако для учения о германском корне все это вряд ли имеет значение. В равной мере не имеет значения проблема отличающегося от о вокализа *a*, а также проблема происхождения глухих придыхательных. В рассуждениях Э. А. Макаева выступают некоторые фонологические недостатки. Ссылаясь на Трубенского, Хоккета и ван Вельтена (стр. 143 и примеч. 83), Э. А. Макаев не допускает возможности существования системы гласных без гласной нижнего подъема *a*, т. е., например, следующей системы:

[i]	[u]
[e]	[o]

Реконструировать мы можем только фонологическую систему, ее фонетическая реализация в общендоевропейском нам недоступна, а ее транскрипция условна. Можно, например, пользоваться и такими символами:

[i]	[u]
[ä]	[ä]

Утверждение Трубецкого и других правильно, но только с фонологической точки зрения: нет гласных среднего подъема без гласных верхнего и нижнего подъема; если существуют только два уровня, как, например, в общеславянском, то один высокий (верхний подъем), а другой низкий (нижний подъем). Являлась ли общеславянская гласная нижнего подъема фонетическим или а — вопрос не только неразрешимый, но и второстепенный.

Главным источником а в греческом, итальянском (латыня), кельтском, армянском языках надо признавать и-е. Но и а, которые совпадают в большинстве индоевропейских языков с унаследованным о (в индоиранском $a > \bar{o}$). Но в греческом и т. д. количество а значительно увеличилось благодаря переходу γ, β, φ в ar, ai, ap , am перед гласной (кроме того, в армянском и перед согласной; $\gamma, \beta, \varphi > ga, la$ в греческом; $\gamma, \beta, \varphi > al, am$ в армянском). Но по сравнению с γ, β, φ перед согласной, группы ar, ai, ap, am перед гласной содержала избыточное а, которое распространяется и перед согласной в морфологических категориях со ступенью ноль.

Так, например, в латыни находим ступень ar, ai рядом с фонетическим or, ei и т. д., в кельтском ar, ai рядом с фонетическим ri, ei и т. д.

Соотношение $T_1\delta T_2$ — нулевая ступень $T_1\delta T_2$ (перед гласной) может тоже появиться за собой $T_1\delta T_2$; $T_1\delta T_2$ так как переход $T_1\delta T_2 > T_1T_2 = \bar{a}$ ноль $> \bar{a}$ (устраивая $\bar{a}$, появляясь аставного $\bar{a}$). Ср. примеры в Indogermanische Grammatik, II, стр. 243—245.

Когда цитируются примеры с и-е. а (Д. А. Макев, стр. 144—145), следует проанализировать их с точки зрения «юноамериканской» аллофонии e/o : а, существующей рядом со старым чередованием a/o : ноль. Прежде всего надо эминировать слова с дифтонгами, фонологически неопределенными, например: историческое $ai, au < ai, ai$ или ai, au после исчезновения возможной ларингальной (арм. $taigr$, греч. $\tau\alpha\iota\gamma\varsigma$ и т. п.). Затем следует принять во внимание слова с возможным чередованием e/o : ноль, например: и-е. * $gh\bar{o}ns$ «гусь», * $soi-$ «сол», * $nos-$ «нос», ср.:

им. ед. * $gh\bar{o}ns$ (s)
вин. ед. * $gh\bar{o}ns$

род. ед. * $gh\bar{o}ns$ > * $gh\bar{o}ns$
лат. ед. * $gh\bar{o}ns$ > * $gh\bar{o}ns$

Оттуда и распространение в корне-кажущих а слабых падежей: греч. (дор.) $\chi\bar{\iota}\nu\varsigma, \chi\bar{\iota}\nu\bar{o}\varsigma$, лат. $anser$, в то время как в балт. (литов.) и нем. переход * $gh\bar{o}ns$ > $\bar{a}ns$ (основа на i и сохранение древнего вокализма о сильных падежей). Таким образом, разница между греч. $\chi\bar{\iota}\nu\varsigma$ и литов. $\bar{a}ns$ та же, что между гот. $tanþis$, лат. $dentem$ и др.-англ. $t\bar{o}\bar{ð}$, греч. $\delta\bar{o}nt\bar{\alpha}$. Подобным образом объясняется лат. $s\bar{a}i, s\bar{a}lis$: слав. $solo$; лат. $n\bar{a}res, n\bar{a}sus$: слав. $nor\bar{s}$.

Для * $kasnos$ > лат. $c\bar{a}nus$ принимает нулевую ступень * $h\bar{a}nos$ вместо * ken аналогично как в лат. $caret$ = ок. $kasit$ от * kes (греч. $\kappa\bar{\alpha}\iota\omega$ «расколоть») или лат. $sc\bar{a}ena$ (рядом с $sc\bar{e}na$) < $sc\bar{e}ate$ «резать». В др.-пнд. $\bar{a}ns$ и, вероятно, в др.-в.-нем. $haso$ «заяц» валяло полный вокализм о.

Слово * $(d)akri$ «слеза» имеет, кажется, древний префикс, но его а объясняется так же, как а в * $kasnos$ (другая возможность: первичное а- < Но- как в $ak\bar{r}\bar{i}$ = «хеш, $kan\bar{i}$). Нулевая ступень $T_1\delta T_2$ вместо T_1T_2 допустима, конечно, и в северных языках (литов. $as\bar{r}\bar{a}$, др.-в.-нем. $zabar$), ср. «Indogermanische Grammatik», II, стр. 245. § 314.

Вполне вероятно приписать слово «бороды» ареальной (европейской) лексеме: ср. греч. $\mu\bar{o}\bar{u}\varsigma$ «ус», которое распространялось по всей Западной Европе (итал. $monstaccio$, исп. $mostacho$, франц. $monstache$, англ. $monstache$). Ср. «L'arophonie en indo-européen», стр. 194—195 и замечание Э. А. Макева (стр. 164) об интерференции языковых миров, приводящей к многочисленным заимствованиям лексем.

Ввиду морфологических и ареальных соображений существование в индоевропейском различия между о и а кажется весьма сомнительным.

Что касается долготы $\bar{a}$ (< $\bar{H}\bar{o}$ или δH), то она, конечно, отличается от о там, где существует различие $\bar{a}$: $\bar{o}$. В германском и славянском языках тождество $\bar{a} = \bar{o}$ повлекло за собой и тождество $\bar{a}$ (т. о. древнего $\bar{H}\bar{o}$, δH) с $\bar{o}$, откуда герм. $\bar{o}$, слав. $\bar{a}$. В восточнославянском $\bar{a}$ могло сохраниться благодаря возникновению новой долготы * $\bar{a}$ (литов., латыш. $\bar{a}$). Ср. восточнославянскую систему долгих гласных:

$\bar{a}$	$\bar{a}$
$\bar{a}$ (< и-е. $\bar{a}$, $\bar{o}$)	$\bar{a}$ (< и-е. $\bar{o}$)
$\bar{a}$ (< и-е. $\bar{a}$)	$\bar{a}$ (< и-е. $\bar{H}\bar{o}$, δH)

Наборот, в древнеирландском $\bar{a}$ совпало с $\bar{o}$ (несмотря на различие $\bar{a}$: $\bar{o}$) вследствие перехода дифтонга eu, ou

в б, откуда

i	a	
é (<и.-е. ei)	o (<и.-е. eu,	oi)
ä (<и.-е. ö)		

Эта система долгих гласных, совпадающая с унаследованной, соответствует пятизвонной системе кратких.

Возражения автора против относительно позднего, а пнемно индоиранского, возникновения глухих придыхательных являются недостаточными по фонологическим причинам. Приходится здесь учесть следующие обстоятельства:

1. Факт, что и.-е. *T* (глухие) и *Dh* (так называемые звонкие придыхательные) находятся в фонологической оппозиции, т. е. отличаются только одним фонологическим признаком, а не двумя (как др.-инд. *t* и *dh*). Ср. несомненность *T* в начале и *Dh* в конце корня или наоборот. Ср. также чередование *-t* и *-dh* в таких суффиксах, как *-flom* п. *-dhlom* (лат. *-culum*; *-bulum*; литов. *-kias*; слав. *-dlo*). Транскрипция (др.-инд.) *gh*, *dh*, *dh* не должна приводить нас здесь в заблуждение.

2. Этому противопоставлению *T*: *Dh* соответствует диссимилиация *Dh* — *Dh* в *T* — *Dh* в греческом языке. Но переход др.-инд. *Dh* — *Dh* в *D* — *Dh* совершился во время, когда система согласных располагала уже четырьмя членами *t/d*: *th/dh*. Диссимилиация *Dh* — *Dh*, *Th* — *Dh* в древнеиндийском считается поздней, судя по иранскому *kumbha* (<*khum-bha), в др.-инд. *kumbha*.

3. Ограничение дистрибуции глухих придыхательных. Они в противоположность звонким никогда не появляются перед суффиксами или окончаниями на согласную (*-s*, *-t*), а исключительно перед гласными и сонантами. Перед согласными обязательно *-i*, например: *śa-thi-s*, *śa-thi-tā*, *śa-thi-tr* (но, например *ābhūti* < *budh*, *baddhā* < *bandh*, *dāghā* < *dañh*). Обстоятельство, что сфера употребления древнеиндийского маркированного члена *Dh* шире сферы употребления *Th*, свидетельствует, по-видимому, о том, что древнеиндийское противопоставление *Th*: *Dh* не является древним, т. е. унаследованным из индоевропейского.

Автор справедливо отмечает две главные черты германского корня, отличающие его от индоевропейского (стр. 36, 181), — положительную (наличие корней с геминированной согласной) и отрицательную (отсутствие корней двусложных). Ср. «Indogermanische Grammatik», II, стр. 330, § 422; «Languages», 43, 1967, стр. 446. Относительно геминации следует различать: 1) фонетическую (ср. III класс сильных глаголов); 2) морфологическую («Indogermanische Grammatik», II, стр. 343—345); 3) экспрессивную (там же, стр. 346—348).

Что касается структурных моделей корня в общегерманском (Э. А. Макаев, стр. 169—171, 181), то надо предпочесть классификацию, опирающуюся на структуру начальной и конечной групп согласных. Как известно, коренная гласная образует вместе с конечной группой одно целое, обуславливающее количество слога, в то время как начальная группа вовсе не влияет на его количество. Конечные группы заключают в себе детерминативы, начальные же — *s-mobile* и другие, случайные преформанты. В чередовании гласных играют роль конечные группы, предшествующий сонант только частично.

Для определения детерминативов (стр. 195, 206, 207) автор предлагает несколько правил, между прочим и существование достаточно тесных семантических связей между проваодеющей основой и проваодеющей формой, содержащей детерминатив. Это, конечно, довольно субъективный критерий, но вряд ли его можно заменить другим. Наверно, очень редко будут случаи, для которых возможно построение семантической пропорции «корень₁ : корень₂ + (данный) детерминатив = корень₁ : корень₂ + (данный) детерминатив» с идентичной модификацией значения.

Такие структурально-семантические пропорции характерны обычно только для суффиксов. Для «префиксов» же (*d-*, *k-*) мы их совсем не находим. Это значит, что статус этих мнимых «префиксов» соответствует статусу детерминативов. Если с функциональной точки зрения мы отличаем в конце слова детерминативы от суффиксов, придется и мнимые «префиксы» считать детерминативами и согласиться с Мейе, что индоевропейский не знал настоящих префиксов (др.-инд. *a-*, *su-*, *dis-*, этимология которых ясна, являются первично, так же как и глагольные приставки, первыми членами сложения, но не префиксами).

Среди преформантов *s-mobile* занимает особое и, по крайней мере в германском, значительное место. Существование других преформантов менее надежно. Для чередования *g^h* : *g* (стр. 265—267) можно не больше, чем два из цитированных примеров, так как лат. *vetāre*, *va dunt* может соответствовать и.-е. *g^h* — лат. *u-*. Для *k-* находим тоже только два достоверных случая (греч. *ostāon*: слав. *kostry*; др.-инд. *aṣṭ-*, литов. *atki*: слав. *koza*), в то время как все остальные противопоставления (греч. *khāron*, *khālos* : *khulōs* и т. д.) свойственны только греческому. Преформант *d-* заведомо существовал в *dakru : *akru «слеза», и может быть в гот. *daggs edens*; др.-инд. *aṣar*. Но в др.-инд. *tsāratī* (литов. *selėti*) «приползать», гот. *landjan* (др.-при. *adannai*) «зажигать», др.-в.-нем. *zungen* (гот. *at-augjan*) «показывать», др.-в.-нем.

lagda (гот. * *agan*) «робеть» налицо являясь ступень глагольной приставки *ad, так что с исторической точки зрения все эти примеры являются сложениями.

Но во всяком случае настоящие преформанты, если примем их индоевропейское существование, когда-то были элементами с семантической функцией, и приходится соглашаться с автором, что теории, которые для объяснения их происхождения ссылаются на сандхи, должны быть отвергнуты. Это касается, между прочим, теория Эджертона (стр. 252), неправильно опирающейся на матрическое сандхи Ригведы. Приписывать разговорному языку правила сандхи, обязательные в метрических произведениях, — большая методическая ошибка, испортившая тоже частично данную Эджертоню новую формулировку правила Зиверса.

Как объяснить продуктивность преформанты *s-mobile*? (Кстати, в список на стр. 224—243 следует включить и другие примеры: *gellan*; *gellan*; *skellan* и т. д. ср. *L'apophonie* стр. 378.)

Дело в том, что когда *s-mobile*, потеряв семантическую функцию, перестало быть настоящим префиксом, т. е. когда отношение, например, *ker* : *s + ker* перешло в *ker* : *sker*, семантическое подчинение *s + ker* исчезло, но структура *ker* в новое подчинение формы *sker* форме *ker* осталось благодаря спикретизму *k* и *g(h)* (вообще взрывных) после *s*:

ka- : *g(h)a-*
| *ska-* |

Это значит, что *ska-* являлось маркированными по отношению к *ka-*, *gha-* и т. д. Между *ka-* и *ska-*, *gha-* и *ska-* благодаря нейтрализации глухих и звонких после начального *s* возникло своего рода отношение «структуральной деривации». Даже при совершенном семантическом тождестве форма *s-* стала являться экспрессивной. Это объясняет тоже и продуктивность *s-mobile*. Ничего подобного не существует в случае других преформантов (*a-* : *d-a-* и т. д.). Только отношение *ka-* : *ska-*, *ga-* : *ska-* можно назвать чередованием в собственном смысле, но не отношением *a-* : *da-*, *o-* : *ko-* и т. п.

Что касается сути дела, труд Э. А. Макаева — важный вклад в германское языковедение. Исследование структуры германского корня самого по себе, без по-

стоянного отношения его к индоевропейскому, является задачей, которой до сих пор уделялось слишком мало внимания. Книга Э. А. Макаева — это возмещение против смешения хронологических планов, о котором автор говорит в заключении (стр. 274—278), приводя пример известной монографии Ф. Шлетха о индоевропейском склонении. Можно позавидовать, что и здесь прогресс в области спикретизма бросит свет на определенные проблемы морфологии.

Библиография богата, много информации находится в заметках и ссылках. Предметный и именной указатели значительно облегчают пользование книгой.

Опечатки и ошибки сравнительно немногочисленны:

Стр. 7 — *stiuoti* (род. п. дат. ед. ч.); 10 — литов. *semiā*; др.-пид. *āmātram*; арм. *aman*; греч. *ἄμας*; 15 — др.-исп. *mōdir*; 22 — др.-англ. *grētan* (*grētan*); 44 — исл. «волна» (f); 57 — *agmos*; 136 — *Laryngalthorie*; 141 — с продолжением ступенью *z*; 156 — др.-пид. *aritra*; 168 и 206 — *forme de fondation*; 178 — *dašbbir*; 179 — *bruv-i-mahi*; 185 — др.-пид. *sāma* «домашний»; 186 — п.-е. *ni-i*; др.-исп. *smjor*; 191 — др.-англ. *bord*; 193 — др.-англ. *grindan*; герм. *rād*; авест. *rādaiti*; 217 — *sākām*, *nasya*; 265 — литов. *angh*; 268 — литов. *oškā*.

Стр. 137 — лат. *lūna* < *lougenā «заменительное продолжение (?)»; 150 — автор (Е. К.) никогда не предлагал «прилагательной интерпретации закона Бругманна, а только указывал на то, что др.-пид. 3-е лицо *ca-kār-a*; 1-е лицо *ca-kār-a* соответствуют этому закону, в то время как возникновение самого закона морфологическое (впрочем, ср. *L'apophonie...*, стр. 336—337); 151 — *trilitère*, *bilitère* являются во французской терминологии традиционными выражениями подобно тому, как, например, нем. *indogermanisch*; 173 — положение Шмидта — Брандта, будто полная ступень, по сравнению с кулевой, являлась вторичным образованием, неверно и исторически и точки зрения. Но это не «возврат к практике вилдских грамматиков» (Макаев, стр. 173), ибо у них дело касается спикретизма, т. е. взаимного отношения основных и производных форм, образования слов с древней ступенью *one* («indogermanische Grammatik», II, стр. 281—285 и 308—311).

Е. Курилович